

Лашмеръ пытался остановить потокъ этой автобіографіи.

— Очень жаль,—пробормоталъ онъ.—А не знавали ли вы человѣка, по имени Больдвуда?

— Больдвуда, который убитъ на пожарѣ? Господи помилуй, сэръ, кто же не зналъ мистера Больдвуда! Онъ былъ великій человѣкъ, какъ говорилъ мой мужъ, человѣкъ, которому слѣдовало быть кабинетъ-министромъ, человѣкъ, который принималъ близко къ сердцу интересы бѣдныхъ людей и сумѣлъ бы отстаивать ихъ, еслибы достигъ власти. И вмѣстѣ съ тѣмъ джентльменъ, хотя и не очень заботился о своемъ платьѣ. И такой любящій отецъ! Его дочка была усыновлена покойнымъ лордомъ Лашмеромъ и воспитана какъ барышня.

— Что, у Больдвуда были друзья въ Бруммъ—люди зажиточные и которые бы принимали участіе въ его маленькой дочкѣ?

— Нѣтъ, не слыхала, сэръ. Онъ былъ сдержанный джентльменъ... не водилъ компаніи съ другими жильцами. Онъ вѣчно сидѣлъ въ своей комнатѣ и мало съ кѣмъ разговаривалъ; не думаю, чтобы къ нему могли ходить гости и я бы этого не знала, потому что наши комнаты были въ одномъ корридорѣ, и мои дѣти постоянно бѣгали взадъ и впередъ; мнѣ приходилось присматривать за ними, и я бы увидѣла, еслибы кто приходилъ или уходилъ отъ него. Лѣтомъ его дѣвочка вѣчно сидѣла на балконѣ, такъ что Больдвудъ придѣлалъ особенную рѣшетку изъ проволоки, чтобы она не упала съ балкона, и она тамъ была точно птичка въ клеткѣ. Онъ не позволялъ ей играть съ другими дѣтьми и между собой они говорили на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Съ балкона былъ видъ на дорогу и на кладбище, и она по цѣлымъ часамъ глядѣла туда. Не думала она, бѣдняжка, что ее папочка такъ скоро переселится туда.

— Кладбище близко отсюда?

— Какихъ-нибудь пол-мили.

— Я пойду туда взглянуть на могилу Больдвуда. Прощайте, сударыня. Позвольте вамъ предложить эту бездѣлицу...

Онъ вложилъ серебряную монету въ руку матроны, которая приняла съ удовольствіемъ и присѣла ему вслѣдъ. Какой прекрасный джентльменъ, такой благородный, развязный и щедрый!

Лашмеръ прошелъ на кладбище, расположенное на окраинѣ города. Онъ бродилъ по немъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ красивой плиты, положенной его братомъ на могилѣ демагога.

„Въ память Джонатана Больдвуда, человѣка передовыхъ мнѣній и глубокихъ симпатій къ бѣднымъ и угнетеннымъ, который погибъ, стараясь спасти жизнь дочери-малютки и который